

Глава первая

К ИСТОРИИ ПРЕДМЕТА ALIIS INSERVIENDO CONSUMER

По-латыни это означает: «Светя другим, сгораю сам». Когда-то известный голландский медик Ван Тульп предлагал именно эти слова сделать девизом врачей, а горящую свечу — своеобразным «гербом» медицинского сообщества. По каким-то, уже неизвестным сегодня, причинам это предложение не прошло — по моему, зря. Смысл здесь был глубокий. Особенно если вспомнить, что врачи порой не только гибли при эпидемиях, но и ставили опыты на самих себе, смертельно опасные, нередко кончавшиеся гибелью.

Эта книга — о знаменитых русских медиках XVII–XIX столетий. Но поскольку появились они не сами по себе, не были гениями, охваченными внезапным озарением, а шли по стопам длинной (порой очень длинной) цепочки предшественников, как случается со всяким ремеслом, думается мне, нужно сначала дать крат-

кую историю этих предшественников, начиная с Древней Руси.

И не только. Есть смысл начать рассказ с того, как вообще зародилась медицина (иные ее виды — и вовсе уж незапамятной древности), о длинной истории успехов и неудач, которых, увы, в течение долгих веков было гораздо больше, чем успехов. Кратко рассказать о чертовски длинном пути, когда многое нащупывали чисто интуитивно, от первых крайне примитивных методов постепенно переходили к более сложным, уже научным, рассказать о пробах и ошибках. Слишком часто, увы, та самая свеча так и сгорала впустую, и проходили столетия, прежде чем она вновь вспыхивала ясным, чистым пламенем, уже неугасимым...

Начать следует не просто с пресловутых «незапамятных времен» — с каменного века. Никакой ошибки или преувеличения, поскольку все так и обстояло. Именно с каменного века берет начало, как это ни покажется кому-то странным, хирургия. И не всегда крайне примитивная, как можно бы подумать.

В самом начале наверняка, как это было с очень и очень многим, нужные решения нащупывали чисто интуитивно, методом проб и ошибок. Может быть, дело обстояло примерно вот так...

Одноногий, или, как его еще звали в племени, Старый (как-никак сорок лет, возраст по тем

временам крайне почтенный), сидел на солнышке у входа в пещеру и, забыв об обычной слабости, то посматривал на речушку, где женщины и дети пытались острогами добыть рыбу, то жадно осматривал окрестности — не появятся ли наконец с добычей ушедшие спозаранку охотники. И ничего тут не было от пустого любопытства или безделья. Речь шла о его жизни, ни больше ни меньше. Если попадетя достаточно рыбы, если охотники вернутся с добычей — ему жить. Если нет — питанием для соплеменников станет он, самый никчемный и ни к чему не годный член племени. Жалкий калека. Так что сегодня решалось, жить ему или умереть. Или рыбы, или олень, или он. Никакой злобы к никчемному — просто племя должно жить. Он и так уже год жил исключительно по милости вождя племени Вedomира, но еды в племени не было уже двое суток, так что милость вождя не безгранична... В подобных случаях стариков, немощных, калек — бесполезную обузу — попросту съедали, чтобы сохранить жизнь другим.

Дело не только в старости. Еще и нога... Он ее сломал, упав с дерева прошлой зимой. Хорошо еще, не бросили прямо там же, донесли до стойбища и положили в дальнем уголке пещеры — чтобы не донимал столами. Он выжил, его не убили, потому что так уж сложилось, что мяса и рыбы все это время хватало. И Старик целый год (правда, ни он, ни кто-то другой

не умел считать время ни годами, ни какими-то еще отрезками) прыгал по пещере на одной ноге, волоча вторую, сломанную выше колена. Все давно зажило, ему не было больно, но служить нога отказывалась. А потом среди веток Старику попался длинный и прочный то ли корень, то ли сук. Сначала он просто опирался на него двумя руками, но потом догадался приспособить широкий край под мышку. Опора вместо сломанной ноги, вместо кости. Старик ее так и назвал — костель.

Ага! Из леса наконец показались охотники!

Оленя они несли, но несли и вождя. Его нога болталась во все стороны, как здоровая человеческая нога никогда не станет, а сам вождь, издали видно, пребывал в Мире Ночи — ничего не видел и не слышал вокруг.

Старик сидел молча. Вождя пронесли мимо него и кинули в тот самый дальний угол пещеры, где когда-то лежал он сам. Медовед проревел: — Три солнца пусть лежит. А потом...

Старик, опираясь на костель, заковылял туда, где лежал тот, кто еще утром был вождем, а сейчас стал никем, ушел в Мир Ночи и лишь изредка тягуче стонал. И тут Старого осенило. Он вспомнил свое падение, некие смутные мысли о переломанных костях. Вспомнил детство и тогдашнего вождя, которому на охоте кто-то нечаянно сломал пальцы на руке. Вождь бодрился, смеялся, показывал всем, какой это

пустяк. Но из вождей его тем не менее сместили. Правда, через «два снега» вновь призвали быть вождем, потому что сломанные пальцы срослись, и рука стала такой же сильной, как раньше. «А если...» — пришло вдруг в голову Старому. Он кликнул мальчишек, сказал им, что принести, а сам занялся сломанной ногой Ведомира. Старательно пытался придать ей прежнее, нормальное положение. Когда это более-менее удалось, Старый обложил ее со всех сторон толстыми сухими прутьями, а потом очень плотно примотал их к ноге жгутами сухой травы. Прошло время, кость срослась, вождь, хоть и прихрамывающий, остался вождем.

Я не утверждаю, что все было именно так. Но примерно так, скорее всего, и было — догадки, озарения, интуиция. Дело даже не в древних костоправах — люди каменного века пошли еще дальше и в массовом порядке производили самые настоящие хирургические операции. Железные доказательства этому давным-давно (и во множестве) представили археологи. В виде многочисленных скелетов людей каменного века, над которыми в свое время потрудились (причем успешно) соплеменники-хирурги.

Известен скелет с ампутированной по локоть рукой — причем по состоянию кости видно, что рана заросла, больной выжил и прожил еще не один год. И он не единственный такой. А ведь в распоряжении древних хирургов (по-

звольте уж писать это слово без кавычек) были только заостренные камни и ничего больше.

Древние ампутации — еще не самое примечательное. В седой древности, в эпоху неолита (то есть во времена, на две-три тысячи лет отстоявшие от тех, когда человек научился работать с металлами), в массовом порядке проводились... трепанации черепа (если кто запомнит, трепанацией именуется операция, когда в черепной кости проделывается сквозное отверстие до мозга, например чтобы снять повышенное внутричерепное давление). Опять-таки не располагая ничем, кроме заостренных камней. Техника была отработана, операции проводились, повторяю, в массовом порядке. В черепной кости проделывали от одного до пяти круглых отверстий. Операция опасная и сложная даже сегодня, но соль в том, что пациенты каменного века сплошь и рядом выживали и выздоравливали. Что наглядно доказывает состояние многих черепов: видно, что по краям отверстий понемногу нарастала кость, края отверстия сглаживались, а такое могло происходить только с живым. Доказательств масса — многочисленные древние черепа со следами трепанации находят по всему миру, в том числе и на территории России, в Поволжье, где обитали скифы (на одном из скифских сосудов, кстати, во всей наглядности изображено, как лечит соплеменника тогдашний стоматолог).

Сохранились зубные протезы, изготовленные древними этрусками, учителями и предшественниками древних римлян. В древнем Вавилоне самой обычной медицинской процедурой считалось, если врач (острым бронзовым ножом) снимет бельмо с глаза пациента (правда, по сохранившимся свидетельствам, далеко не все операции кончались удачно, но стопроцентным успехом не могут похвастать и сегодняшние хирурги, располагающие технологиями, которым и в подметки не годится «острый бронзовый нож»).

Как легко догадаться, расцвет хирургии пришелся на времена, когда появились регулярные армии и начались постоянные войны. А потом, как это частенько бывает, военные технологии ушли «на гражданку».

Операции очень долго проводились исключительно на костях — вторгаться железом во внутренние органы было чересчур рискованно. Вспомним, что еще в 1837 году лучшие тогдашние хирурги оказались бессильны спасти Пушкина, получившего пулю в брюшину. Извлечь ее никто даже не пытался, лишь тогдашними средствами пытались облегчить страдания больного, насколько удавалось...

Да и операции на костях таили нешуточную опасность для больного, который мог попросту умереть от болевого шока. А потому давным-давно хирурги задумались, как обеспечить

бесчувственное состояние пациента во время операции. Самые разные методы наркоза появились за столетия до эфира и хлороформа. От некоторых из них — мурашки по спине... Широко применяли кровопускание — задачей было обескровить пациента настолько, чтобы он надолго потерял сознание. Иные доктора вводили в прямую кишку пациента табачный раствор. Перед операцией человеку давали маковый раствор, а то и просто-напросто напивали вином, что называется, вусмерть (что наверняка влекло за собой не только боль в подвергшейся ампутации конечности, но и жесточайшее похмелье — ну, не исключено, что ему давали как следует опохмелиться). Порой, не мудрствуя, пациента просто-напросто оглушали специальным деревянным молотком (сколько этот метод повлек за собой сотрясений мозга и других травм, осталось только предположить).

Послеоперационные процедуры особой гуманностью тоже не отличались: чтобы обеззаразить прооперированное место и остановить кровотечение, его прижигали раскаленным железом или окунали конечность в кипящее масло. Что вытерпеть, пожалуй, было еще потруднее, чем подвергнуться самой операции. Позже стали перевязывать крупные кровеносные сосуды и зашивать рану — тоже весьма болезненная процедура, таившая и другие опасности, кроме

болевого шока: в те времена никому и в голову не приходило, что следовало бы не то что стерилизовать инструменты перед операцией, но и просто мыть руки. Точный процент тех, кто подхватил инфекцию и умер от такого подхода к делу, неизвестен, но наверняка высок...

Позже, когда чуточку разобрались в том, что такое болевой шок, стали применяться новые методы, заключающиеся в том, чтобы проводить операцию как можно быстрее, в прямо-таки молниеносном темпе — что требовало от хирурга нешуточного мастерства. Но было, думается мне, все же что-то получше раскаленного железа или «специального деревянного молотка»...

Жил-был в Лондоне во второй половине XVII века мелкий чиновник по имени Сэмюэл Пипс. Личность совершенно бесцветная, неинтересная, но тем не менее прочно прописавшаяся в мировой истории по довольно убедительной причине: Пипс много лет вел многотомный дневник, куда заносил превеликое множество скучных для своего времени бытовых подробностей. Однако в XX веке эти дневники опубликовали, и они стали одним из ценнейших исторических источников во всем, что касалось быта и нравов.

Так вот, однажды — если точно, в 1658 году — операции подвергся и Пипс, причем уже не ампутации — ему удалили камень в почках.

Без всякого наркоза. Ставка была как раз на быстроту — всего за пятьдесят секунд хирург разрезал почку, нашел и извлек приличных размеров камень. Выздоровливал Пипс больше месяца, но обошлось без всяких осложнений и инфекций: современные исследователи считают, так произошло оттого, что в тот день хирург оперировал Пипса первым и его инструменты были относительно чистыми...

В свое время как мастер молниеносных операций прославился знаменитый военный хирург наполеоновской армии Жан-Доминик Лярей. Именно он в 1812 году сразу после Бородинской битвы за двадцать четыре часа, не отходя от стола, сделал двести ампутаций. Я могу и ошибаться, но нигде не попадалось, чтобы этот рекорд был впоследствии кем-то побит. Что важно, подавляющее большинство пациентов Лярея выжили и, насколько уж были в состоянии, вернулись к нормальной жизни.

А в общем и целом, хирургическая операция долго, очень долго оставалась нешуточным пугалом, всерьез опасаться которого были все основания. Так что люди частенько занимались самолечением. Именно так умер американский губернатор Моррис, один из «отцов-основателей», подписавших Декларацию независимости США. Чем-то ему забило мочеиспускательный канал. Опасаясь допускать докторов к столь ценному предмету, Моррис сам принялся прочи-

щать это место тонкой полоской китового уса...
Хоронили с цветами.

Смешного тут мало. Бояться хирургов были все основания отнюдь не у одних «невежественных и необразованных» слоев населения. В 1881 году президент США Джеймс Гарфилд получил ранение от анархиста револьверной пулей. Как теперь установлено, сама по себе рана была не столь уж и опасной, но врачи, по тогдашней милой привычке, полезли в нее немытыми руками, занесли инфекцию...

Коли уж речь об инфекциях, нельзя не рассказать о так называемой родильной горячке, впервые зарегистрированной в Лейпциге в 1652 году. Болезнь обрушивалась неожиданно. После вполне успешных родов проходило несколько дней, и роженица казалась совершенно здоровой. Внезапно резко поднималась температура, начиналась горячка, бред. Продолжалось это примерно с неделю, потом больная либо поправлялась, либо умирала. Чаще умирала — были времена и регионы, когда смертность от «родильной горячки» достигала 90%...

Врачи, глубокомысленно покачивая головами, толковали о «плохом воздухе» и «моральной неустойчивости» больной. На самом деле все обстояло гораздо печальнее: явившийся принимать роды врач мыл руки не до работы, а после. И заносил разнообразные инфекции — в истории медицины зафиксированы случаи, когда